

ПСИХОЛОГИЯ Учебное пособие для вузов и ссузов

Г. С. Абрамова

ПСИХОЛОГИЯ Человеческой жизни

Учебное пособие для вузов и ссузов

powerex

Психология. Учебное пособие для вузов и ссузов

Галина Абрамова

Психология человеческой жизни

«Прометей»

2018

УДК 159.9
ББК 88

Абрамова Г. С.

Психология человеческой жизни / Г. С. Абрамова — «Прометей»,
2018 — (Психология. Учебное пособие для вузов и ссузов)

ISBN 978-5-906879-69-1

В программах высших учебных заведений России, где осуществляется подготовка специалистов для работы с людьми, есть курсы «Психология личности», «Психология развития и возрастная психология» и «Психологическое консультирование». В этих курсах обязательны темы, в которых рассматриваются понятия о базовых характеристиках личности, личности как субъекта жизни, анализируются динамические образующие личности. Пособие даёт возможность наполнить эти понятия конкретным содержанием, оно представляет собой один из вариантов психологического анализа жизненного пути людей в конкретных исторических условиях. Оно также предназначено для студентов ссузов по дисциплинам «Психология», «Возрастная психология и педагогика», «Семьеведение», «Основы педагогики и психологии», «Психология общения». В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 159.9

ББК 88

ISBN 978-5-906879-69-1

© Абрамова Г. С., 2018

© Прометей, 2018

Содержание

Короткое предисловие к переизданию книги	6
Об истории этой книги	7
Глава 1. Такая разная психология	9
Глава 2. О методах исследования	17
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Галина Сергеевна Абрамова
Психология человеческой жизни
Учебное пособие для вузов и ссузов

© Г. С. Абрамова, 2018

© Издательство «Прометей», 2018

* * *

Посвящаю моему любимому мужу Børge Hansen

Короткое предисловие к переизданию книги

В наше торопливое время надо писать коротко и о самом главном.

Пишу.

В программах высших учебных заведений России, где осуществляется подготовка специалистов для работы с людьми, есть курсы «Психология личности», «Психология развития» и «Психологическое консультирование». В этих курсах обязательны темы, в которых рассматриваются понятия о базовых характеристиках личности, личности как субъекта жизни, анализируются динамические образующие личности.

Мой текст даёт возможность наполнить эти понятия конкретным содержанием, он представляет собой один из вариантов психологического анализа жизненного пути людей в конкретных исторических условиях.

Все ключевые понятия этого текста сверены с действующими государственными программами и программами некоторых университетов Российской Федерации.

В предлагаемом мною тексте можно узнать о материале, необходимом для психологического анализа жизни личности, овладеть способами исследования фактов жизни личности, научиться исследовать этими способами личность в конкретных исторических условиях.

Текст написан мною с позиции культурно-исторической психологии, в нём имплицитно (что естественно) представлена моя личная и профессиональная позиция в понимании проблем и задач изучения жизни человека как целостного предмета. В тексте каждой главы есть ссылки на необходимую литературу. Возможен поиск информации по ключевым понятиям.

Дания 2017

Об истории этой книги

В Варшаве был невероятно жаркий летний день. Трамвай оказался тем местом, где случилось событие. Обычное событие из числа тех, которые создают нашу жизнь.

На эту пожилую женщину нельзя было не обратить внимания – среди нас, изнемогающих от жары и необходимости быть в это время на этом месте, она была единственной, кто чувствовал себя здесь и теперь с полным присутствием духа и тела. Худенькое ладное тело не мучило душу, а душа была открыта всему ясным взглядом и грацией движений. Описанию изящной одежды и ажурных перчаток можно было бы посвятить не одну страницу дамского романа. Среди нас – буднично отягощенных существованием своих душ и тел – находился человек, которому были явно по силам и собственная душа и собственное тело.

Я видела таких пожилых женщин и мужчин в разных жизненных ситуациях, они всегда вызывали чувство радости от одного взгляда на них. В них была та сила настоящей жизни, которая создается и сохраняется самим человеком как признательность Творцу за данность жизненного дара. Слова, которыми хотелось говорить о впечатлении, производимом этими людьми, звучали бы очень неуместно и чересчур сентиментально в бурное время перемен, которое вовлекает людей в водоворот новых возможностей для самоопределения и самоутверждения.

Рядом с этой женщиной, дамой из варшавского трамвая, возникали лица и голоса других прекрасных людей, которые хотели и умели жить своей жизнью, не претендуя на исключительность, но обладая тем секретом целостности и ценности жизни, который пытаются разгадать ученые, изучающие человека.

В геронтопсихологии, в известных мне работах, пожилой возраст описывался в характеристиках количества, где слова о том, что какая-то функция стала снижаться в своих проявлениях, наводили только на грустные размышления о несовершенстве науки и неизбежности конца жизни. Сама жизнь говорит другое – в пожилых людях есть много того, что никак не связывается с угасанием функций: определенность ценностей, которая редко приходит в молодые годы, бесстрашие перед неопределенностью жизни, которое называют светом мудрости... В них есть то обоснование ежедневных жизненных усилий, которое наполняет мир присутствием в нем мысли.

Мне представляется, что современная наука, стремясь анализировать и обобщать, немного абстрагируется от того, что составляет индивидуальную целостность жизни, а в ней есть много из того, что описывается (возможно, только сегодня) бытовыми словами. Это – заброшенная деревенька в России, где бабушка стучит из окна своего дома и просит поговорить с ней. Просит меня, незнакомого человека, которого обстоятельства жизни привели к ее дому. Это – золотая кожа лукавиц в руках у другой женщины, которая любит ими и ласкает прикосновением каждую из них, благодаря за то, что выросли красавицами. Я слышу это случайно. Теперь знаю, что не случайно.

Я пишу о них, потому что они – воплощение жизни и ее оправдание, они – боль и надежда на прощение всех нас, кто причастен к ним, кто может быть причастен, кто должен быть.

Эта книга написана в жанре романтической психологии. В ней – очерки о людях, анализ и интерпретация психолога, в ней то, что называют психологией пожилого человека. Это попытка рассказать моим читателям – коллегам-психологам и студентам, изучающим психологию, – что есть возможность не только измерять и констатировать, но и понимать. Это не разные ценности – это жизнь науки, которая, как любая жизнь, может изменяться до пределов смерти. В книге описаны реальные люди, живущие в России, Польше, Дании, имена которых изменены, так как не все они хотели быть «представленными на всеобщее обозрение». Каж-

дому из них и всем вместе я бесконечно благодарна за событие встречи с ними и возможность общения.

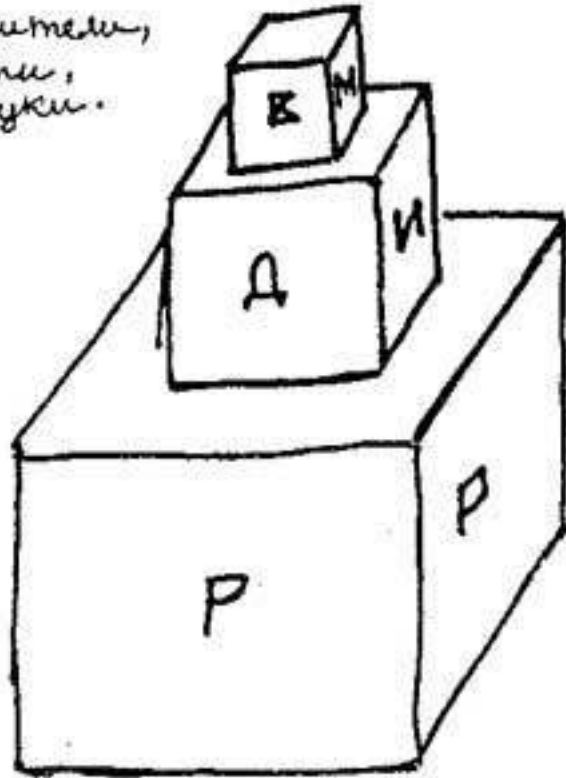
Дания, 2000

Глава 1. Такая разная психология

Все явное настолько дальше наших догадок, что догнать и доглядеть случившееся мы не в состоянии.

Р. М. Рильке

*Р - родители,
Д - дети,
В - внуки.
Мир.*

Простой секрет ...

Ключевые понятия: позиция исследователя, предмет психологии личности, множественность определений личности, характеристика общих подходов к личности в отечественной и зарубежной психологии.

В результате изучения главы студенты должны:

знать основные исследовательские позиции;

уметь формулировать свою исследовательскую позицию;

владеть знанием о различии бытового и научного психологического знания.

Сегодня, когда научное психологическое знание становится неотъемлемой частью бытовой культуры, когда профессия психолога начинает влиять на течение индивидуальной жизни людей, многие вопросы, связанные с получением и использованием психологических знаний, приобретают значение не только для людей науки.

Проблемы познания – его цели, средства и способы – становятся актуальными в обосновании воздействия на человека психологов и психотерапевтов при осуществлении практической профессиональной работы. Теория познания неизбежно транслируется в способах интер-

претации человеческого поведения, в понимании закономерностей его развития и общего направления прогресса.

Само понятие прогресса становится содержанием наших будничных отношений, определяющих восприятие чужой ли беды, своих ли собственных усилий по осуществлению жизни, своего ли места среди людей и в целом мире.

Мир, в котором мы живем, с каждым днем становится все более зависимым от наших мыслей о нем, от наших чувств к нему и друг к другу. Это может не восприниматься как личная озабоченность, но обязательно присутствует в личной жизни как ее опосредованность присутствием других людей.

Психологическая информация, полученная в науке, приобретает иное звучание в контексте бытовой жизни. Она лишается существующей в науке зависимости от содержания интеллектуальных усилий конкретного человека, получившего ее, и приобретает безличный характер возможной ценности.

Мышление исследователя, в котором было рождено обоснование (для него самого) его интеллектуальных усилий, не интересует людей, использующих научную информацию, отвлекаясь от неизбежного присутствия в ней момента относительности истины и личных интеллектуальных возможностей человека. Это создает уникальную ситуацию, которая порождает особые образования индивидуального и общественного сознания. Уникальность состоит в том, что продукты индивидуальной интеллектуальной деятельности ученого могут стать целостными, ценностными знаками, опосредующими отношения людей. Так произошло с психоаналитическими идеями З. Фрейда, которые определили способы мышления людей о собственной жизни во многих странах мира. Оказалось, что как будто забыто, как, когда и почему были высказаны идеи о вытеснении и сублимации, о комплексах (особенно об Эдиповом), о сознательном и бессознательном, о страдающем Я и т. д.

Сами идеи стали одним из обоснований возможностей воздействия людей на течение собственной жизни. Это одна из возможных демонстраций того, что интеллектуальные усилия одного человека, ориентированные его собственными целями и задачами, превращаются в формы сознания других людей.

Присутствие в мире психической реальности каждого человека – это возможность порождения новых форм сознания за счет Я-усилий человека, которые прежде всего проявляются в его интеллектуальной деятельности. Порождать эти формы сознания человек может, встречаясь с задачами, которые он не может решить существующими способами. Это те жизненные ситуации, о которых говорят, что в них надо жить своим умом.

Иначе об этих ситуациях можно сказать так: в них нельзя использовать чужой опыт, нельзя применить готовые (уже существующие) интеллектуальные решения. Это ситуации, которые можно было бы в общем виде назвать ситуациями встречи с собственным Я, с его данностью как качеством своей жизни. Именно они порождают интеллектуальные усилия человека и их обоснование. Чем обосновываются интеллектуальные усилия? История психологии как науки позволяет говорить о том, что интеллектуальные усилия исследователей обосновываются их философией жизни, собственной Я-концепцией, которые задают интеллектуальную позицию в понимании закономерностей психической жизни.

Интеллектуальная позиция в исследовании человеческой жизни неизбежно связана с пониманием развития человека и прогресса общества, средств и способов собственного мышления в отношении конкретной человеческой жизни и психической реальности как данности жизни.

Современная наука демонстрирует множество примеров того, как можно проявлять интеллектуальную позицию в исследовании психической реальности. Фиксируется она в содержании основных понятий, которые обосновывают для исследователя его интеллектуальные усилия в постановке и решении познавательных задач. Думаю, достаточно привести несколько

примеров, чтобы показать существование различных интеллектуальных позиций и присутствие в них индивидуальных ценностей исследователей. Так, человека понимают как биоконピューтер, как семантическое поле сознания, как механизм, как высшее животное, как живой организм и т. п.

Возможность иметь фиксированную интеллектуальную позицию и мыслить в соответствии с ней, возможность изменить интеллектуальную позицию или отказаться от нее связаны с тем, что Я человека обладает относительной независимостью от предмета мышления. Эта независимость проявляется в том, что человек может зафиксировать предмет своего мышления как целостность и выделить свое отношение к нему как к целостности. Целостность задается границами, которые обозначаются с помощью знаков. Знаками же обозначается и наличие Я.

Таким образом, интеллектуальная позиция становится доступной для восприятия как самому мыслящему человеку, так и другим людям. Это можно увидеть прежде всего в научных текстах, где используются специальные научные термины для обозначения целостных характеристик предмета мышления и есть знаковое обозначение авторского присутствия, которое читатель воспринимает как мнение или чувства автора.

Воспринимая научные тексты, читатель должен проделать специальную работу по разделению авторской мысли и чувства, которые отражают разные качества Я-усилий исследователя. Эту работу читатель может проделать тогда, когда сам владеет достаточными средствами мышления о целостных предметах, т. е. обладает жизненной философией. Проблемы, возникающие при этом, заставляют обсуждать вопросы профанации науки, которая может стать (и стала) зловещей тенью человеческого стремления к познанию. Общество требует от науки не только новых средств и способов жизни, созидания, но и новых способов разрушения, уничтожения жизни. Наука отвечает этим требованиям. Создание бактериологического оружия – одно из доказательств этого.

Одно из самых сильных противоречий современной интеллектуальной жизни людей состоит в том, что меняется отношение к идеалу познания. Меняется представление об истине как идеале познания и способах постижения истины. Можно согласиться с мнением И. Хейзинга, который писал о том, что «культура, в наше время желающая задавать тон, отворачивается не только от рационального, но даже от интеллигентного, и ради чего-то *инфрарационального*, ради инстинктов и влечений... она предпочитает волю к земной власти, «бытие», «кровь и почву» вместо «познания» и «духа» (Хейзинг И. Homo ludens. – М., 1992. – С. 292).

Мне думается, что понимание того, что в получении психологической информации исследователь оказывается зависимым от своей интеллектуальной позиции, позволяет анализировать факт существования множества психологических идей, теорий, методов как неизбежное проявление Я-исследователей, без которого невозможна была бы познавательная активность человека. Его познавательные усилия были бы бессмысленны и в том случае, если бы предмет мышления не был фиксирован как целостность, а Я не выражено в соответствующей ему форме. Формы, наиболее распространенные в современной науке, – это слова, понятия, термины, которые отражают исторически сложившуюся логическую аргументацию процесса познания. Однако известно, что они не являются единственными формами выражения жизни, рядом с ними существуют поэтическая, метафорическая формы.

Существование научной формы породило проблему соотношения поэтической и логической аргументации в познании. Так, в современной психологии это может проявляться в существовании, часто в одном тексте, как научных, так и поэтических способов мышления. Цитирование поэтов становится одной из наиболее распространенных форм аргументации, проявления интеллектуальной позиции автора научного текста. Часто научное, логически аргументированное изложение воспроизводится в виде поэтической метафоры, которая, естественно, по своему происхождению не может быть продуктом логического мышления.

Это можно понимать как стремление авторов научных текстов показать свою ориентированность на целостность психической реальности как предмета их мышления. Необходимость такой ориентации осознается все в большей степени, так как уже очевидны последствия недостаточности специализированного, часто одностороннего (в виде какой-либо концепции) подхода к пониманию человека. Одним из самых явных последствий этого можно считать распространение специализированных знаний как универсальных, когда частной закономерности через ее интерпретацию приписывается универсальное, всеобщее значение. Это явление широко известно в науке как редукционизм, который в одном из предельных своих выражений отождествляет человека и его жизнь с жизнью предметов.

Редукционизм – это не только упрощение или стремление к упрощению, это еще и стремление придать любому знанию всеобщий, универсальный характер. Последний присутствует не только в сознании людей науки, но и в бытовом сознании как стремление обобщать по принципу: «Все люди...» Примером такого обобщения может быть самое распространенное в быту: «Все люди на меня будут смотреть, как на...», «Каждый человек хочет иметь...» и т. п. В научном познании редукционизм особенно опасен тем, что закрывает возможности поиска истины, делает бессмысленным существование иных интеллектуальных позиций, возможность которых задается существованием целостного предмета. Понимание предмета мышления как целостности особенно важно, так как дает возможность двигаться к истине, отражающей существование предмета в пространстве и во времени.

В отношении психической реальности это тем более важно, что она как предмет мышления, как предмет изучения обладает специфическими свойствами, требующими от исследователя усилий по их проявлению, фиксации и сохранению в своей интеллектуальной деятельности.

Представление о целостности психической реальности и ее сохранение в процессе мышления – это ориентация на существование специфических человеческих качеств, того единства человека, которое множество раз было предметом осмысления в разных философских и психологических школах. Мне представляется необходимым сослаться на идеи димензиональной онтологии (науки о бытии), которые В. Франкл использует для понимания человеческой реальности. Он демонстрирует эти идеи проекциями предметов, называя свой способ изложения геометрическим доказательством.

Суть димензиональной онтологии состоит в том, что жизнь предмета рассматривается в проекциях, разных по отношению к времени и пространству его бытия. Один и тот же предмет, проецируясь в низшие по отношению к нему измерения, может иметь противоречащие друг другу проекции. Это легко демонстрируется на примере проекции стакана в форме цилиндра в двумерное пространство из трехмерного, в котором он существует. При этом в плоскости, соответствующей его продольному сечению, он будет выглядеть как прямоугольник, а в плоскости, соответствующей его поперечному сечению, – как круг. Несоответствие и противоречивость проекций будут проявляться и в том, что они – замкнутые фигуры, тогда как стакан – фигура открытая.

Другой закон димензиональной онтологии говорит о том, что разные предметы, спроецированные в одно и то же, низшее по отношению к ним, измерение, отображаются в последнем не противоречивыми, а многозначными проекциями. Так, тени, спроецированные от цилиндра, конуса и шара, могут быть многозначны – это эллипс. По ним нельзя точно восстановить предмет, который эту тень отбрасывает.

В отношении человека, изучения специфически человеческого в человеке эти идеи позволяют увидеть последствия редукционизма как потерю предмета мышления. Если человеческое сводится только к плоскости биологии или социологии, представляется только как физиологическое или лингвистическое, то теряется возможность увидеть единство человеческого в человеке. При этом становится очевидным и тот факт, который позволяет утверждать, что

единство человека бессмысленно искать в той плоскости его изучения (измерения), на которую мы сами как исследователи его спроецировали.

Обнаружить единство человека мыслящий о нем может только тогда, когда занимает трансцендентальную позицию, позволяющую выйти за пределы предмета мышления и осознать возможное соответствие или несоответствие различных проекций этого предмета как проявление его целостности. Для этого ученому, занимающемуся проецированием человека на одну (или несколько) плоскость измерения, приходится постоянно отдавать себе отчет о той целостной реальности, с которой он имеет дело. Обычно целостная реальность проявляет себя при интерпретации данных исследования.

Димензиональная онтология позволяет доказать существование различных интеллектуальных позиций, обоснованных способами проецирования целостного предмета. Одновременно с ее помощью можно показать один из наиболее распространенных путей появления ошибок в мышлении, когда многозначные результаты интерпретируются как равные, сходные, подобные, однозначные. Это путь, на котором игнорируется целостность предмета как специфического, не равного сумме своих проекций.

Для психологии эта ситуация осложняется историческим опытом функционального исследования человека, когда предметом научного исследования были различные функции (память, мышление, воображение, ощущение, восприятие, внимание) как различные проекции целостного человека. Опыта трансцендентального изучения человека значительно больше в области психотерапии, чем в собственно психологии как науке.

Психотерапевт с необходимостью должен занимать по отношению к другому человеку трансцендентальную позицию (это необходимо хотя бы на время, так как является одним из условий его профессиональной работы). Именно трансцендентальная позиция (оформленная в виде научной теории) позволяет психотерапевту обосновывать свое воздействие на другого человека.

Теория психотерапевта – это способ его мышления о целостности и специфичности человека, позволяющий занимать и осуществлять трансцендентальную позицию. Думаю, неслучайно все наиболее значимые психологические теории были созданы специалистами, которые занимались не только научной, но и практической работой.

В современной психологии попытки продемонстрировать ориентацию на целостность человека выражаются в названиях тех способов мышления, которым при этом отдается предпочтение. Приведу несколько примеров, явно не претендуя на полноту всего перечня. Думаю, что в эту минуту, может быть, оформилась еще одна специфическая психология. Какие есть психологии? Например, такие: экспериментальная, когнитивная, прикладная, практическая, теоретическая, сравнительная, эгопсихология, социальная, этническая, аналитическая, синтетическая, гуманистическая, экзистенциальная, индивидуальных различий, гештальт, описательная, понимающая.

Думаю, пока довольно примеров.

Почему каждое из этих научных направлений стремится подчеркнуть свое существование даже названием? Разве не изучают все они человека, его психическую жизнь, закономерности этой жизни?

Чтобы ответить на эти вопросы, надо обратиться к жанру интерпретации, попытаться понять людей, которые используют эти понятия для... В сущности, я уже сказала, что они используются для удержания целостного предмета мышления, для сохранения через это обозначение своей интеллектуальной позиции, своего Я как источника интеллектуальных усилий.

Таким образом, через интерпретацию я обозначила и свою позицию, в которой, надеюсь, явно присутствует стремление к сохранению целостности человеческого в человеке при его понимании, при его изучении.

Все изложенные выше варианты названий психологии показывают, в частности, тот факт, что мы живем во время дифференциации науки, которая в то же время осознает необходимость интеграции, сохранения специфичности своего предмета. Мне думается, что в отечественной психологии есть традиция, может быть, неявно выраженная, осуществления интеграции научного знания в форме романтической психологии. Пока не выделяю этого слова, чтобы оно не воспринималось как нечто экзотическое в этом тексте, а было необходимым следствием обозначения моей позиции и причастности к отечественной научной традиции.

Работы Б. М. Теплова «Ум полководца», А. Р. Лурии «Маленькая книжка о большой памяти», «Потерянный и возвращенный мир», Д. Б. Эльконина и Т. В. Драгуновой «Возрастные и индивидуальные особенности младших подростков», Н. С. Лейтеса «Способности и одаренность» можно, по-моему, отнести к области романтической психологии. Все их объединяет нескрываемая в подтексте авторская позиция в виде оценок, чувств и отношений к тем людям, о которых они пишут, которых изучают. Всех их объединяет стремление увидеть и описать проявления живой психической жизни в ее противоречивости и целостности, соотносить в самом тексте – для читателя и для автора – научную, трансцендентальную позиции и позиции участия, воздействия, содействия человеку в его жизни.

Это романтическая психология, так как тексты не только читаются как романы, но в них есть все, что отличает роман от повести или рассказа. Это «все» можно выразить житейским языком: в них есть целая жизнь, авторская позиция и отношение автора к героям; есть сами герои, которые типичны в своей индивидуальности, о ней можно сказать, что она отражает целостность психической жизни в том ее проявлении, которое описано В. Франклом как единство, несмотря на многообразие.

Способы получения информации о героях – способы научного исследования – становятся доступны для читателей благодаря тому, что автор текста рефлексировал на их содержание.

Романтическая психология – это вариант интерпретации психологической информации с целью проявления целостности предмета научного мышления. В той или иной мере ею занимаются все пишущие психологи, но у этого жанра описания есть свои секреты, которые, как думается, можно обозначить словом «пристрастность» – пристрастность автора к героям описания. Может быть, эту пристрастность можно назвать любовью или восхищением, но эти слова были бы не очень уместны в исследовании, хотя именно они, скорее всего, отражают самое существенное в романтической психологии. Любящий видит в предмете своей любви самое главное, существенное и неповторимое одновременно. Такими видятся люди авторам работ, о которых я упоминала выше.

Хотелось бы написать о пожилых людях, выстраивая мозаику впечатлений в логике исследования и интерпретации, которые позволили бы выразить и мою позицию и неповторимость встреч, в которых было так много существенно важного для... Для кого? Думаю, для нас, читатели и коллеги, которые чаще всего исследуют безличные закономерности, следуя выбранной теме, или углубляются в индивидуальные переживания людей, которые не могут жить самостоятельно и требуют профессиональной помощи психолога или психотерапевта. Мне хотелось написать о людях, которые умеют жить, любят жизнь и не боятся ее, для которых как повседневная реальность существует та целостность человеческой жизни, которая часто ускользает от исследователя, когда он стремится зафиксировать ее существующими в науке способами.

Мне думается, что мою работу можно отнести к области научной, так как я буду стремиться объяснить в ней то, что требует объяснения, – источники человеческих сил жить с любовью к жизни. В психологии в разных теориях их фиксируют разными научными понятиями. Назову только несколько, которые чаще всего используются для решения аналогичных научных задач: «возрастные особенности», «тип личности», «ценности», «мотивация»,

«потребности», «картина мира», «уровень притязания», Я-концепция, «идентификация», «сознание», «самосознание», «переживания» и т. п.

Думаю, что несмотря на великое разнообразие психологических исследований, наука еще только приближается к пониманию источников человеческих сил жить с любовью к жизни, поэтому любое усилие на этом пути может быть оправданно и целесообразно само по себе. Утверждать это можно уже потому, что вопрос о цели науки в современной философии науки остается не менее острым, чем на заре появления науки как особого вида человеческой деятельности.

Мне ближе всего точка зрения К. Поппера, который считал, что цель науки состоит в том, чтобы найти объяснение тому, что требует объяснения. Эту идею я и использовала абзацем выше, формулируя задачу этого текста как задачу научной работы. То, что требует объяснения – источники человеческих сил для жизни с любовью к жизни, – заявляет о себе бесконечным разнообразием фактов, которые показывают обратное. Не буду занимать читателя их перечислением, думаю, что он имеет глаза и уши и видел обычное – искаленные стены подъезда, изрезанные сиденья пригородного поезда, слышал нецензурные выражения там, где была бы уместна другая форма общения, видел реку, в которую опасно войти, и лес, где уже никогда ничего не вырастет...

Цель науки и состоит в том, чтобы найти удовлетворительное объяснение всего того, что заявляет о себе как нуждающемся в объяснении.

К. Поппер писал о том, что причинное объяснение представляет собой совокупность положений, одно из которых описывает положение дел, требующее объяснения, а другие объяснительные положения представляют собой объяснение в собственном смысле этого слова, так как отвечают на вопрос «Почему?» Научное объяснение является объяснением неизвестного через известное.

В данном тексте неизвестное (возможно, только с точки зрения автора) уже сформулировано как задача. Остается обозначить известное, которое будет применяться в объяснении, что и будет сделано в последующих главах. Пока же есть смысл остановиться на том, что объяснение с той или иной степенью успешности должно удовлетворять ряду условий. Для демонстрации этих условий сошлюсь на слова К. Поппера: «Экспликанс, с одной стороны, является объектом научного поиска, он, как правило, не известен, его приходится открывать...

Во-первых, экспликандум (подлежащее объяснению. – А. Г.) должен логически из него следовать. Во-вторых, экспликанс по своему статусу должен быть истинным, хотя, вообще говоря, может быть не известно, что он истинен; в любом случае даже после самой критической из проверок не должно быть выяснено, что он ложный. Если не известно, что экспликанс истинен (так обычно бывает), должны существовать независимые доказательные свидетельства в его пользу. Другими словами, он должен быть независимо проверяемым, и было бы еще лучше, если бы он выжил при независимых проверках возрастающей строгости...» Эти слова написаны в работе К. Поппера «Реализм и цель науки», которая опубликована в хрестоматии «Современная философия науки» (М.: Логос, 1996. – С. 98–100).

Далее в этой работе К. Поппер пишет о том, что, по его мнению, не существует окончательных объяснений, а законы природы постигаются скорее как описания (предположительные описания) скрытых структурных свойств нашего мира. В том случае, когда наука приступает к объяснению предположительного закона или теории более высокой степени универсальности, она все глубже проникает в секреты мира. Самые важные открытия совершаются в науке тогда, когда удастся фальсифицировать теорию этого рода. В процессе этой фальсификации происходит главное – рождается неожиданность, а именно она – верная спутница открытия. Она показывает, что все теории созданы самим человеком, что они – его собственные изобретения. В то же время в теориях содержатся подлинные утверждения о мире, так как благодаря им люди сталкиваются с тем, что никогда не создавалось людьми, а существует как мир.

К. Поппер считает, и его мысль мне представляется очень важной, что законы и теории, создаваемые в науке, должны быть универсальными, т. е. должны содержать утверждения о всех пространственно-временных областях мира. В теории содержатся утверждения о структурных или реляционных свойствах мира, которые выражены с разной степенью глубины. Свойства, которые описывает и объясняет теория, должны быть более глубокими, нежели те, которые объясняются. При этом понятие глубины теории непосредственным образом связано с ее простотой и богатством содержания. Это положение К. Поппера доказывается им самими ссылками на интуитивную идею. Он считает, что в большем и нет нужды, так как на глубину теории, ее когерентность и эстетическую привлекательность обычно смотрят с точки зрения метода исследования. Эти качества теории – глубина, красота – стимулы интуиции и воображения.

Мне эти идеи кажутся необходимыми для обоснования существования романтической психологии как типа теоретизирования, позволяющего построить такое объяснение, которое, естественно, по мнению его автора, может быть, по крайней мере, неложным. Это объяснение, думается, можно проверить: найти независимые доказательства в его пользу. Такими независимыми доказательствами «за» или «против» могли бы быть, в частности, и суждения читателей.

Однако необходимость романтической психологии прежде всего обосновывается тем, чтобы сделать человеческую жизнь предметом психологического исследования, построив его как теоретический объект. Для этого в науке есть соответствующие процедуры, которые связаны с созданием теоретического объекта и его функционированием. Они подробно рассматриваются в методологии научного познания и связаны с процедурами обоснования, среди которых особое место занимают процессы выбора этой процедуры. Речь идет об ориентации на критерии, которые существенно влияют на выбор параметров теоретического объекта и его обоснование. Такие критерии выглядят как максимы, которыми человек пользуется, обосновывая свой выбор. Они относятся к области ценностей и составляют то, что принято называть субъективным фактором в науке.

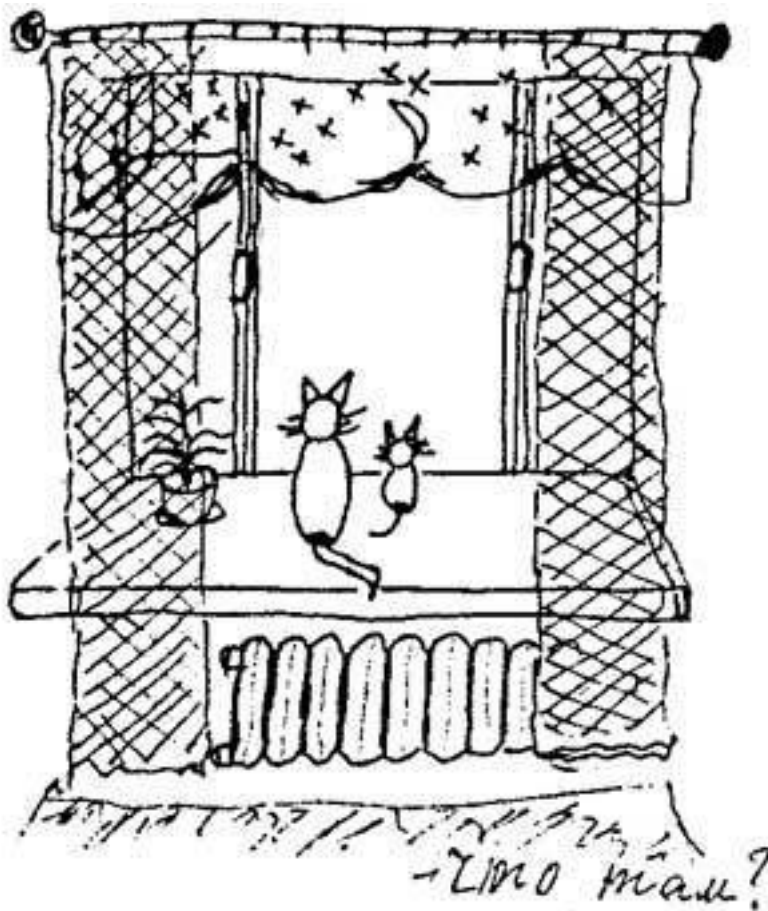
Кроме того, для обоснования своего теоретического объекта исследователь выбирает парадигму – систему существующих теоретических знаний, позволяющую использовать их для обоснования нового теоретического объекта. Эти идеи широко представлены в работах Т. Куна и позволяют проследить процесс выбора исследователем теории как его особую интеллектуальную активность.

В индивидуальной научной работе исследователь может отрефлексировать, осознать ту часть работы, которая связана с выбором обоснования для построения теоретического объекта, эта работа связана с формулировкой исходных теоретических положений, которые будут влиять на выбор метода. Именно это я попробую сделать в двух последующих главах.

Глава 2. О методах исследования

*Казалось мне, что в жизни
повсюду только я
просвечиваю в призме
земного бытия.*

Р. М. Рильке

Ключевые понятия: исследование, факт, метод исследования, целостный подход к личности.

В результате изучения главы студенты должны:

знать способы реализации целостного подхода к исследованию личности;

уметь осуществить выбор способа исследования;

владеть конкретными понятиями теорий личности: Я, Я – усилие, методом включённого наблюдения и методом анализа продуктов деятельности.

Выбор метода исследования во многом зависит от свойств предмета исследования, зафиксированного как целостный объект. Метод – это всегда способ, путь, идя по которому можно что-то найти (или не найти). Сам по себе метод не может быть ни плохим, ни хорошим, как не может быть плохой или хорошей погода. В отношении метода относительность оценки

его качества еще более высокая, чем в отношении оценки погоды. (Эта попытка метафоры, может быть, не самая удачная.)

Если продолжать пользоваться метафорическим языком, то описание метода как пути, по которому идет исследователь, будет связано с характеристикой качества этого пути и тех находок и потерь, которые его сопровождают. Последние, в свою очередь, будут зависеть от свойств предмета исследования. К описанию его и приступаю.

Как уже было сказано выше, хотелось бы сделать предметом исследования жизнь человека как целостность и найти в ней источники сил для жизни с любовью к самой жизни. Говоря научным языком, эти источники и будут объектом исследования – частью целостного предмета. Чтобы их выделить и описать, надо построить целостный предмет исследования.

Естественно, в психологии и психотерапии есть богатый опыт построения этого предмета, однако обращает на себя внимание тот факт, что жизнь (возможно, в силу универсальности явления) как целостное образование подменяется каким-то ее проявлением. Чаще всего говорится о психической жизни, или психике, хотя давно и доказательно исследовано, что кроме психической человек имеет еще много других форм жизни (и смерти тоже). Попробую перечислить некоторые из них: духовная жизнь, сексуальная, общественная, экономическая, историческая, физическая, физиологическая, биологическая жизнь и т. п. Где она, жизнь человека как целостность, какое из ее проявлений можно считать главным, определяющим все остальные? Есть ли оно вообще? Это вопросы, которые, как думается, надо обсудить, прежде чем приниматься за описание методов исследования и формулировать структурные качества возможного объекта исследования.

Думаю, что в возрасте около четырех лет в сознании человека складываются первые контуры жизни как целостного предмета. Это тот момент, когда ребенок встречается с существованием смерти и переживает ее отнесенность с собой и близкими. Жизнь как предмет приобретает границу смерти. Занимаясь творчеством, человек переживает другую границу жизни – вечность. Идеи бессмертия (возможности исторической жизни) очерчивают еще один контур границ жизни как целостности. Еще один вариант границ предмета – жизни как целостности – задается идеей происхождения человека. Знаменитые детские вопросы о том, кто родил маму первого человека, показывают именно этот контур.

Можно наметить следующие качественные параметры жизни как целостного предмета: ограниченность – бесконечность времени, неравномерность плотности пространства бытия, которое разворачивается во времени. Ограниченность времени сама себя отрицает в его бесконечности, а неравномерность плотности пространства отрицается полным ее исчезновением. Это самые общие свойства жизни как целостного предмета, благодаря которым человек обнаруживает в своем сознании ее существование.

Эти свойства жизни как целостного предмета можно найти в разных философских и психологических работах, посвященных феномену человека. В данный момент изложения для меня важна ссылка на работы М. К. Мамардашвили, который говорил о том, что, казалось бы, жизнь – самое неточное из того, что есть на свете. Парадокс жизни, писал он, состоит в том, что свободное действие, жизненное свободное действие может быть точнее логического мышления. Он писал о точной жизни, считая ее условием событие мысли или событие чувства, которое называл мышлением условия мышления. В его текстах многократно подчеркивается существование свободы как условия свободы или высвобождения. Приведу цитату из работы «Психологическая топология пути» (СПб., 1997. – С. 209): «Я говорю: свобода свободы, мысль мысли. **Закон** закона. Закона, который есть **форма и условие** любых законов. Какие будут – неизвестно. Свобода свободы – это можно понять, а вот что в свободе будет сделано, этого никто предсказать, определить или предопределить не может. Будет то, что есть, – чувство. А поди его сфабрикуй. Но есть **условие** свободы. **Свобода – как условие свободы. Или высвобождения».**

Какие бы качественно иные свойства жизни как целостного предмета ни пытались задать, всегда есть то неуловимое для точного описания превращение одного свойства в другое – часто противоположное, что говорит о их потенциальном присутствии в целостном предмете. Это та ситуация, которая сознанием воспринимается как возможность присутствия в жизни смерти и наоборот.

В своем индивидуальном сознании человек встречается с целостностью предмета жизни в раннем возрасте, и он становится одним из оснований его картины мира. Каждый ученый, исследователь несет этот предмет в своем сознании как собственную картину мира, поэтому можно сказать, что жизнь как целостный предмет существует в сознании любого исследователя. Чтобы высвободить его, нужна та свобода о которой писал М. К. Мамардашвили.

Напрашивается невольный вопрос о том, присутствует ли такая свобода в научном исследовании, должна ли она там присутствовать и в какой мере? Мне думается, что при изучении человека невозможно не использовать представление о жизни как целостности, так как это – составляющая сознания самого исследователя. Целостность же этого предмета будет задаваться, если так можно сказать, степенью свободы – возможностью свободы – в мышлении исследователя. Как она проявляется и чем измеряется? Возможно, глубиной открытия как отражением возможности мышления, наличием самого акта творчества, той свободой свободы, о которой говорил М. К. Мамардашвили. Это только предположение, позволяющее ввести в характеристику жизни как целостного предмета, представление о творчестве как проявлении Я-усилий человека по выявлению и сохранению свойств самой жизни как предмета.

Возможность Я-усилий обеспечивается данностью Я как качества человеческой жизни, которое самообосновывает ее существование в пространстве и времени. Одна из важнейших особенностей этого качества состоит в том, что оно (Я) обладает потенциалом не только созидания самого себя, но и разрушения. В этом состоит та обуславливающая жизнь серьезность, о которой пишут многие авторы. Сошлюсь только на А. Шопенгауэра: «На языке природы смерть означает уничтожение. И что смерть есть нечто серьезное, это можно заключить уже из того, что и жизнь, как всякий знает, тоже не шутка. Должно быть, мы не стоим ничего лучшего, чем эти две вещи». Так писал А. Шопенгауэр в своей работе «Смерть и ее отношение к неразрушимости нашего существа» (цит. по: *Шопенгауэр А. Избранные произведения.* – М., 1992. – С. 83).

Итак, можно сказать, что жизнь как целостный предмет открывается человеку и в понятии смерти, позволяя рассматривать смерть как явление в разных качествах жизни. Так, можно говорить о социальной смерти человека, психологической, физической и т. п.

Жизнь человека как целостный предмет существует в пространствах и временах, которые интегрируются его Я как данностью в систему координат, позволяющих дифференцировать дискретность, прерывность и непрерывность бытия, его разную плотность. Эта дифференциация осуществляется через свободное творчество человека, которое обладает обратимостью, и само создает, проявляет качества человеческого Я как данности.

Можно выделить и описать пространства, в которых существует человеческая жизнь, например физическое пространство планеты, космическое пространство, пространство тела, культурное пространство, а также пространство дома, географическое пространство страны и т. п.

Можно описать времена, в которых протекает жизнь человека: историческое, физическое время, время суток, психологическое время и т. п.

Можно описать интегративные качества Я и специфику их проявления в преодолении плотности бытия, например при планировании режима дня или конкретного вида работы, при написании романа или письма, при строительстве дома или дороги, при переживании обиды или при принятии решения об изменении стиля своей жизни и т. п.

Можно выделить и описать направленность Я-усилий человека в их общей ориентации на жизнь или на смерть, т. е. на созидание или на разрушение жизни в целом или какого-то ее проявления.

Все эти возможности в той или иной мере представлены в психологических теориях, построенных для объяснения различных явлений, относящихся к феномену человека. Эти теории широко представлены в современной литературе, и читатель при желании может познакомиться с наиболее популярными из них, прежде всего с психоаналитическими теориями, ориентируясь на работы З. Фрейда, А. Фрейд, К. Юнга, А. Адлера и других авторов. Мне думается, что большинство современных теорий в психологии рождены под влиянием психоаналитических идей, где впервые в контексте психологических интерпретаций были представлены важнейшие составляющие феномена человека – данность его Я, его активность и изменчивость, смерть с ее стремлением к постоянству, а значит, самоуничтожению, зависимость активности Я от других людей и отношений с ними – то, что составляет одно из пространств жизни.

В феномене человека, как писал Т. де Шарден, присутствуют такие важнейшие составляющие его жизни, как трансцендирование, или обретение трансцендентальной позиции. Такую возможность Я получает вследствие своей интегративной активности, суть которой буднично проста и связана с переживаниями человека по поводу конечности своей жизни и возможности существования бесконечности вне ее. В этой позиции Я как данность обретает полноту своего проявления и воплощает возможности своей интегративной функции в обозначении места человека в картине мира.

В индивидуальной психической жизни человека описанные выше качества жизни как целостного предмета воплощаются в структурные образования, придающие ей динамическую устойчивость, позволяющие человеку иметь и сохранять психическое здоровье как чувство реальности своего бытия в мире и мира в себе.

Последнее является отражением в индивидуальном сознании человека его трансцендентальной позиции, которая воплощается и в других качествах психической реальности, несущих в себе проявления интегративной активности Я. Это – самообоснование бытия мира и собственного бытия, или жизненная философия. Она проявляется в жизненных правилах человека, в его кредо, в той аксиоматике ценностей, критерием значимости которых является смерть. Самообоснование – это продукт интеллектуальной активности, воплощающей ориентацию Я на созидание или разрушение жизни. Наличие выраженной ориентации на жизнь или смерть в активности людей многократно доказывалось в психологических работах. Думаю, что есть смысл сослаться на работы Э. Фромма, в частности на его работу «Душа человека» (М.: Республика, 1992), где доказательство разных форм ориентации людей описывается через проявление любви к живому или мертвому как в мире, так и в самом себе.

Самообоснование бытия в мире помогает человеку направлять усилия по преодолению плотности бытия во всех видах своей активности, которая может осуществляться в различном пространстве и времени его жизни. Думаю, можно сказать, что самообоснование – это процесс, в котором Я обнаруживает свою данность для самого себя, это то проявление реального трансцендирования, которое создает идеальные объекты, отражающие наличие Я-усилий как особого качества жизни.

Кроме того, самообоснование бытия в мире позволяет человеку выделить и наличие мира бытия как особой реальности своей жизни, способной к трансформации, относительно независимой от бытия в мире. Так, человек встречается с миром своего воображения, фантазии, с миром продуктов мышления и труда, с тем, что в общем виде называют неорганической природой человека, или знаковыми, искусственными образованиями. Последним понятием подчеркивается существование естественных образований в человеческой жизни (выше я пыталась говорить о Я как данности, т. е. как естественном природном свойстве человека).

Все эти рассуждения – я позволю себе ограничить их – дают возможность описать, зафиксировать для возможного исследования существование человеческой жизни как целостного предмета в таких ее существенных, на мой взгляд, проявлениях как: наличие данных свойств *Я*, обуславливающих интегрирование пространств и времен в единую целостность; самообоснованность *Я*, выражающаяся в концепции жизни и смерти, *Я*-концепции, создающих и разрушающих границы жизни как предмета; наличие *Я*-усилий (творчества) в их свободном проявлении по преодолению плотности бытия, созданию картины мира и бытия мира в *Я*, которые воплощаются в различные продукты, приобретающие знаковый характер.

Конечно, я понимаю всю относительность этого описания жизни как целостного предмета, но оно – только момент обоснования методов – способов получения информации, необходимой для объяснения существования источников сил, позволяющих человеку жить с любовью к жизни.

Этот момент возникает как следствие ограничений, которые с неизбежностью надо вводить в интеллектуальную деятельность, чтобы не превратить ее в бесконечное обоснование обоснования.

Вводя описание жизни как целостного предмета, я использовала факты и закономерности, позволяющие анализировать феноменологию психического развития человека так, как она представлена в доступных мне источниках информации. Думается, что они могут быть основанием для интерпретации в научных понятиях интересующих меня качеств человеческой жизни.

В тех разделах психологии, где обсуждаются вопросы психического развития, открыто в тексте или косвенно (в контексте) присутствуют представления самих ученых о нормальной человеческой жизни, о прогрессе и силах, его реализующих, идеи об эволюции. Без этих идей сложно обсуждать существование психической реальности и человеческой жизни в пространствах и временах бытия. В предлагаемом читателю тексте эти идеи тоже будут присутствовать. Попробую сформулировать их по возможности кратко.

Понятие *нормальности* применительно к психической реальности и ее качествам можно рассматривать как средство интеллектуальной деятельности людей, позволяющее находить в жизни закономерности и формулировать их. В культуре можно выделить два понятия нормальности. Одно – житейское, а другое – научное, или научные, так как в науке может быть несколько критериев, на основании которых построено понятие. Для меня житейское понятие нормальности связано с отсутствием у человека психических заболеваний, что дает ему возможность самому заботиться о своей жизни, т. е. как-то относиться к ней.

Использование научного понятия нормальности представляется мне правомерным в том случае, если дает возможность человеку обосновывать самому себе самого себя. Этот процесс называется идентификацией и описывается в различных теориях. Мне думается, что он является определяющим в интерпретации фактов, характеризующих человеческую жизнь как целостность.

Идентификацию можно определить как возможность для человека соответствовать своему *Я*. Можно обсуждать условия и факторы, влияющие на процесс соответствия, можно обсуждать параметры соответствия и степень их выраженности, можно выделять качества *Я* как данности и т. п. Это уже проблемы существования научного знания, научного понятия, структурирующего это знание в тот или иной момент существования науки. Проблема идентификации часто представлена в поэзии, которая позволяет людям переживать их жизнь как целостность. Это может звучать, например, так, как написал Э. М. Рильке:

Взрослая
Она несла все это – мир забот,
мир милости и страха, и все это,

как дерево в саду, тянулось к свету,
вне образности, как ковчег завета,
как образ славы, вышедшей в поход.

И вынесла все это до вершин летящее, —
огромное, чужое,
угадываемое лишь порою —
спокойно, как несущая кувшин,
налитый до краев. Но в некий миг,
ее обрекший на преображенье,
впервые белый плат нависшей тенью
спустился на открытый светлый лик
почти непроницаемым покровом.

И вот на все вопросы о судьбе
дает один ответ туманным словом:
«В тебе, о бывшее дитя, в тебе».

В дальнейшем тексте я буду использовать представление об идентификации как о процессе, позволяющем в науке описать течение нормальной человеческой жизни.

Кроме психологии понятие нормальной человеческой жизни существует в этике, где оно связано с понятиями добра и зла, добродетелей. Они известны, и я перечислю их как главные ценности человеческой жизни – любовь, труд, знание. Нормальная, правильная человеческая жизнь предполагает наличие в ней этих ценностей как безусловного обоснования Я-усилий.

Прогресс можно рассматривать как итог объединенных *Я-усилий* людей. Он не имеет других источников и другого обоснования. Думаю, можно сказать, что у прогресса всегда есть лицо – это лицо человека, который своими *Я-усилиями* создал такой продукт, который стал необходим многим людям для осуществления их жизни как целостности.

Эволюция — самое загадочное понятие, мне сложно его использовать применительно к человеку вообще. Кажется, что оно больше соответствует индивидуальной истории человеческой жизни, так как в ней нет поступательного и равномерного движения, а присутствует та неравномерность, гетерогенность психической реальности, которая создает разные типы напряжения, реализующиеся в кризисах, конфликтах, переживаниях, чувствах и других проявлениях движения, являющегося признаком психической жизни. Эволюция как изменение в соответствии с качествами данности Я может характеризовать индивидуальную человеческую жизнь. Такая эволюция описывается следующими понятиями современной психологии: «решение жизненных задач», «переживание», «структура Я», «структура психической реальности» и т. п. Подробно они представлены в возрастной психологии, психологии развития, психологии личности.

Итак, в общем виде предмет и объект исследования обозначены. Можно описывать выбор метода – способа получения информации для объяснения того, что требует объяснения.

Метод должен соответствовать качествам предмета, в котором с его помощью будет фиксироваться объект исследования. Иначе это называют конгруэнтностью (соответствием).

Далее мне необходимо зафиксировать источники сил, которые позволяют человеку жить с любовью к жизни. Чтобы это сделать, надо найти ситуацию, которая как исследовательская позиция будет конгруэнтна предмету исследования – целостной человеческой жизни. Как найти такую ситуацию?

В психологии существует великое многообразие методов исследования, позволяющих обосновать возможность поиска такой ситуации и адекватного ей метода.

Очевидно то, что предмет исследования диктует главное условие – мне как исследователю надо быть (стать) его элементом. Надо *быть* в жизни тех людей, у которых я хочу узнать то, что соответствует моему объекту исследования. Быть в качестве кого?

В психологии как науке можно выделить несколько позиций исследователя, характеризующих степень его воздействия на предмет через возможное присутствие в последнем. Перечислю самые главные:

- экспериментальная позиция (отстраненность от предмета, по возможности большая);
- позиция наблюдателя (присутствие рядом – без воздействия);
- позиция включенного наблюдения с заданной целью (присутствие в предмете в качестве его элемента);
- позиция направленного воздействия при беседе или интервью (присутствие рядом) и т. п.

Из перечисленных позиций больше всего предмету нашего исследования соответствует позиция *включенного наблюдения с заданной целью*. (Заданная цель необходима, так как это метод научного наблюдения.) Эта позиция позволяет присутствовать в предмете и быть конгруэнтной ему, соответствовать его свойствам как объекту исследования. Возможность такого соответствия связана с взаимодействием с другим человеком по поводу его жизни как целостности, как предмета. Она открывается прежде всего в разговорах, которые так и называют: разговоры «за жизнь» (подчеркнуто использую грамматическую ошибку). В этих разговорах, возникающих спонтанно, можно спросить «про главное». Этим главным и будет то, что является *объектом исследования*. Разговор можно записать, запомнить – это и будет *протокол включенного наблюдения*, который можно анализировать, прибегая к научным понятиям. Итак, путь найден, метод определен и имеет название – *включенное наблюдение с интервью о главном в жизни*.

Включенное наблюдение как метод исследования предполагает, что, присутствуя в жизни другого человека, исследователь не нарушит, не изменит, не деформирует ее течение. Осуществить это для решения задач исследования, по-моему, можно в том случае, если, по возможности точно, соблюдать ту психологическую дистанцию, которую естественно задает ситуация встречи с исследователем как с чужим человеком, проявляющим профессиональный интерес к жизни другого человека. Именно эта естественная ситуация – встреча с незнакомым человеком, имеющим профессиональную задачу общения, – становится ситуацией включенного наблюдения. Она воспроизводится во всех встречах с пожилыми людьми, наблюдение организуется с точки зрения задач исследователя, его результаты фиксируются в протоколе после общения.

Естественность ситуации исследования состоит в том, что она не требует от исследуемого никаких дополнительных усилий по воздействию на свою психическую реальность или на другие параметры жизни как целостного предмета. При восприятии другого человека – в данном случае исследователя – естественно актуализируются все психологические механизмы, обеспечивающие воздействие на другого человека и взаимодействие с ним.

Предмет взаимодействия, который в ходе моего общения становился темами различных высказываний, задавался содержанием интервью. Ход интервью специально не контролировался исследователем, т. е. в нем не было жесткой логики в последовательности вопросов, хотя всем исследуемым – их было 132 человека в возрасте от 60 до 83 лет – задавались в ходе интервью одни и те же вопросы. Но логика этих вопросов соответствовала логике спонтанного, естественного общения, тем темам, которые в нем возникали. Думаю, что этот вид интервью можно назвать проективным, так как проекция присутствует в нем как естественный защитный механизм, обеспечивающий взаимодействие: каждого участника интервью с незнакомым человеком.

Исследователь осуществляет проекцию при выборе и построении вопросов (в определении самого главного в жизни), а человек, которого изучают, – в ответах на вопросы интервью и в спонтанных высказываниях. Мне представляется уместным вспомнить слова К. Юнга о проекции, когда он писал: «Человек не может понять лучше самого проецирующего то, чем на самом деле являются проекции этого человека. Мы можем разобраться в наших предубеждениях и иллюзиях только тогда, когда обретем более глубокие психологические знания о самих себе и других, и будем готовы поставить под сомнение абсолютную правильность наших убеждений и тщательно и честно сравнивать их с объективными фактами» (Юнг К. Синхронистичность. – Лондон, 1997. – С. 113–114).

Материалом для анализа и интерпретации становились тексты высказываний и другие продукты созидательной активности человека, в которых реализовывались его Я-усилия.

В психологии есть метод исследования, который называется анализ продуктов деятельности. Его в полной мере можно применить к анализу высказываний как продукту речевой деятельности (или деятельности общения) и к анализу продуктов трудовой или любой другой деятельности.

Включенное наблюдение давало возможность фиксировать продукты различных видов деятельности исследуемого человека как проявление его усилий, поэтому с полным основанием можно сказать, что оно применялось как метод исследования.

Думаю, что есть смысл остановиться подробнее на характеристике интервью и анализе продуктов деятельности как методах исследования.

Сначала об ограничениях, которые возникают в мышлении исследователя, когда он фиксирует метод как способ своего мышления. Эти ограничения возникают при рефлексии на содержание материала, позволяющего объяснить неизвестное. Рефлексия дает возможность ввести меру относительности, точности нового знания, что делает его доступным для проверки другими исследователями.

Рефлексия как самообоснование исследователем способа своего мышления обеспечивает введение критериев мышления, которые можно обсуждать с точки зрения их соответствия или несоответствия предмету и объекту исследования. Критерии мышления связаны с обозначением известного и нового в предмете его интеллектуальной деятельности. Это обозначение, осуществляемое в форме научных понятий, метафорических образов, житейских понятий и т. д., позволяет исследователю владеть предметом мышления как целостностью.

Рефлексия – своеобразная гарантия продуктивности мышления. С ее помощью исследователь, обосновывая свои интеллектуальные усилия, отвечает на вопросы (как во внутреннем, так и во внешнем диалоге): что я делаю? как я делаю? почему я делаю так, а не иначе?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.